

А. П. МАРКОВ,

профессор кафедры социально-культурных технологий СПбГУП,
доктор педагогических наук, доктор культурологии

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Миссия интеллигента состоит в том, чтобы поддерживать культурную идентичность народа, сохранять его духовный генофонд, отражая сущность культуры как в текстах, так и в собственной биографии.

Русская культура основывается на православии. Д. С. Лихачев отмечал, что «в русской культуре атакам зла подвергались все христианские ценности: соборность, национальная терпимость, общественная свобода». Интеллигент же старается исполнить этический идеал Нагорной проповеди, который концентрируется вокруг трех базовых ценностей — страдания, нестяжательства и любви.

Вечной и блаженной жизни в Царствии Небесном достойны плачущие, кроткие, чистые сердцем, жаждущие правды, гонимые за правду. Страдание — это условие достижения идеала любви и справедливости. Последователи Христа должны быть готовы к трудному миссионерскому служению истине и возможным страданиям на этом пути. Нестяжательство — это отказ от материальных благ согласно духовному выбору, ибо «блаженны нищие духом», взыскующие «хлеб насущный днесть». Любовь — это непротивление злу насилием, всепрощение.

Эти ценности очерчивают крайние, предельные формы поведения. Они были адресованы ближайшим ученикам, чтобы те воплотили их в своей жизни и стали нравственным ориентиром для всех людей. «Парадоксальность» христианской этики заключается в отвержении всего, чем жил и гордился древний мир. Крест стал не позором и проклятием, а великой победой человеческого духа. Смысл жизни — не горделивая самодостаточность индивидуума, а послушание. Сущность творчества — не субъективное самоутверждение, а смирение. Действительно, «прямая перспектива» эгоцентрична, она ставит человека в центр мира, а все остальное обретает для него значение лишь в той степени, в какой оно соотносено с ним самим. «Обратная перспектива» православной этики утверждает: не нечто значимо потому, что включено в мой

мир, но, наоборот, я становлюсь значимым лишь в той мере, в какой я вхожу в нечто превышающее меня самого. Именно на основе такого Идеала возможно строительство Царства Божия на земле.

Наши соотечественники-интеллигенты воплотили эти ценности в своей жизни. Они продемонстрировали незначимость материальных благ, ориентацию на целое и внеличное, непривязанность к настоящему и направленность в будущее, неотделимость человека от общности «мы», всечеловечность, готовность к самопожертвованию во имя других. Не случайно Ф. М. Достоевский считал психологическими особенностями «русского типа» смирение и страдание, нравственный максимализм, «всемирную отзывчивость и полнейшее перевоплощение». Также он отмечал способность «дружественно, с полной любовью принять в душу гении чужих наций, все вместе, не делая преимущественных племенных различий, умея инстинктом, почти с самого первого шагу различать, снимать противоречия, извинять и примирять различия».

Как ни парадоксально, но такая ценностная и психологическая «формула» объясняет психологию и идеологию раскольников, народников и революционеров-социалистов. Она объединяет в единое виртуальное сообщество «русских интеллигентов» такие непохожие личности, как Н. В. Гоголь и Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой и О. Э. Мандельштам, Н. Г. Чернышевский и В. И. Ленин и т. д. Биографии всех великих людей в определенном смысле сопоставимы с образами православных подвижников и мучеников за веру. Например, герой романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?», как и сам автор, переживает этапы жизненной эволюции, классические для пути православных подвижников: непримечательное начало жизни, озарение, добровольный подвиг аскетических испытаний, возврат в мир для выполнения особой миссии.

Однако другие черты интеллигентности часто становятся причинами исторических драм. Во-первых, это эсхатологизм, прису-

щий интеллигентскому самосознанию. Интеллигент видит будущее не как результат эволюции настоящего, — оно находится как бы «по ту сторону» трагедии и растворяется в вечности. Это обнаруживается в русской идее, в духовных исканиях, в характере социальных экспериментов XX века, в психологии сегодняшних реформ.

Во-вторых, сознанию русского интеллигента присуща черта, которую можно назвать «проектным максимализмом». Русский интеллигент — это искатель «последней» истины, абсолютной справедливости, который неизбежно придает духовно-нравственным и социальным исканиям фанатическую окраску. Ему

присущи радикализм, стремление к абсолюту, идеологический максимализм и готовность идти на любые жертвы во имя его осуществления. Русский интеллигент жаждет вселенского преобразования жизни (вспомним идеологию строительства коммунизма — Нового Царства «на земле, как и на небе»). Он стремится построить Царство Божие, — но не в результате эволюции настоящего, а как космическое чудо. Если же вера в чудо теряется, то рождается энергия тотального нигилизма и космического разрушения основ бытия.

Таким образом, интеллигентность — это крест, который несет и каждый интеллигент, и вся культура.